

RU

Особенности словообразования в современном удмуртском языке

Стрелкова О. Б.

Аннотация. Целью исследования является выявление особенностей образования и функционирования неологизмов в современном удмуртском языке. В статье рассмотрены словообразовательные модели с формантами -ни и -чи, обосновывается правомерность рассмотрения как словообразовательного суффикса аффикса -ни, статус которого в работах современных исследователей представляется спорным. Научная новизна работы заключается в установлении наметившихся в языке отклонений от норм словообразования. В результате анализа материалов современного удмуртского языка выявлены новые словообразовательные модели.

EN

Features of Word Formation in the Modern Udmurt Language

Strelkova O. B.

Abstract. The aim of the study is to identify the features of the formation and functioning of neologisms in the modern Udmurt language. The article considers word-formation models with the formants -ни and -чи, justifies the validity of considering the affix -ни as a word-formation suffix, the status of which in the works of modern researchers seems to be disputable. The scientific novelty lies in the determination of deviations from the norms of word formation that have emerged in the language. As a result of the analysis of the modern Udmurt language materials, new word-formation models have been identified.

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем, что имя существительное занимает центральное место в грамматической системе языка. В связи с изменениями в науке и обществе многие словообразовательные процессы могут быть рассмотрены с новых позиций, поэтому их изучение актуально и в настоящее время.

Для достижения цели исследования нам необходимо было решить следующие задачи: рассмотреть историю и особенности функционирования продуктивных деривационных суффиксов удмуртского языка -ни и -чи; выявить специфику современных неологизмов, образованных с помощью данных словообразовательных суффиксов; отметить основные тенденции в словотворчестве в современном удмуртском языке.

При написании статьи использовались описательный, сопоставительный методы, метод синхронного анализа, формально-семантический и компонентный анализ.

Теоретической базой послужили обобщающие труды по пермским языкам (Серебренников, 1963; УКК, 2011), современные исследования по словообразованию в финно-угорских языках О. В. Титовой (2014), С. А. Максимова (1998; 2018), Т. П. Арискиной (2019), V. Koivisto (2013) и других ученых-языковедов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе подготовки обобщающих трудов по словообразованию удмуртского языка, в лекционных курсах по сравнительному языкознанию, а также современному удмуртскому языку.

Основная часть

Вопросы развития и обогащения словарного состава современного удмуртского языка, вопросы терминоведения и словообразования – одни из важнейших проблем удмуртской лингвистики. В связи с отсутствием собственно удмуртских терминов в различных сферах жизнедеятельности человека возникает необходимость создания новых слов за счет внутренних ресурсов языка. При этом наряду с заимствованием лексических единиц из других языков в большинстве случаев используются традиционные продуктивные словообразовательные модели удмуртского языка.

Суффиксальный способ образования новых слов наряду со словосложением является одним из основных в финно-угорских языках (Арискина, 2019, с. 222; Koivisto, 2013). Словарный состав любого языка обогащается с помощью словообразовательных средств самого языка. Как отмечает О. В. Титова (2014, с. 42), в ходе анализа современного лексического материала установлено, что в создании новой лексики в удмуртском языке участвуют морфологический, лексико-синтаксический, лексико-семантический способы словообразования, каждый из которых характеризуется своими особенностями. В качестве морфологического способа рассматривается образование «новых слов на базе имеющихся в языке основ и словообразовательных аффиксов» (Стариченок, 2008, с. 323).

При изучении современного терминотворчества исследователь подчеркивает, что многие новые термины возникают при помощи словообразовательных суффиксов удмуртского языка. В зависимости от основы производного слова суффиксальные названия становятся отглагольными или отыменными образованиями. Среди всего прочего выделен продуктивный суффикс *-ни*: *ужанни* ‘офис’ (*ужан* – сущ. от глаг. *ужаны* ‘работать’ + *-ни* – суффикс, служащий для обозначения места) (Титова, 2014, с. 43).

Именно на истории и своеобразии данного словообразовательного элемента мы и остановимся в данной статье.

Словообразовательные модели с суффиксом *-ни* в современном удмуртском языке становятся весьма популярными в свете образования большого количества неологизмов.

Популярность таких моделей обусловлена несколькими факторами – как экстралингвистическими, так и внутриязыковыми. Во-первых, семантикой данного аффикса, которая несет в себе значение ‘место’. Во-вторых, тенденцией к переводу названий учреждений, организаций, общее значение которых соотносится с семантикой ‘место выполнения какого-либо действия’. В-третьих, использованием официальных названий учреждений Удмуртской Республики на двух языках – на русском и удмуртском, что предусматривает обязательный перевод каждого наименования.

О грамматическом статусе данного аффикса в современном удмуртском языкознании существует несколько спорное, на наш взгляд, мнение, что данный компонент является суффиксоидом (УКК, 2011, с. 17). Напомним, что исследователями в качестве суффиксоида рассматривается «корневая морфема, выступающая в функции суффикса»: рус. *-вар* (*мыловар*, *пивовар*), *-вед* (*краевед*, *языковед*), *-вод* (*пчеловод*, *экскурсовод*), *-воз* (*лесовоз*, *углевоз*), *-дел* (*винодел*, *маслодел*), *-кол* (*дровокол*, *ледокол*), *-коп* (*землекоп*, *углекоп*) и др. (Ахманова, 2012). Безусловно, нельзя не согласиться с данной идеей, если опираться на тот факт, что формант *-ни* продолжает нести в себе лексическое значение ‘место’. Но в то же время является очевидным, что внешнее оформление данного аффикса уже практически полностью утратило связь с исходным корневым элементом, самостоятельным словом *инты* ‘место’, что вполне предполагает возможность рассмотрения аффикса *-ни* как продуктивного словообразовательного суффикса, к чему мы и склоняемся.

Обратимся к особенностям функционирования рассматриваемого суффикса. Как отмечают исследователи, из деривационных суффиксов, свойственных большинству говоров севернорусского ареала, своеобразным является наличие форманта *-н’и*. Основная функция суффикса *-н’и* – производство имен существительных со значением места, объекта действия. Новые имена образуются от отглагольных существительных на *-(о)н*: *улон’н’и* ‘место жительства’, *шутэтскон’н’и* ‘место отдыха’. Следует отметить, что в среднечепецком диалекте наряду с формами на *-ни* в той же функции факультативно встречаются конструкции с послелогом *мэста* и *инт’э*: *ужан’н’и* ~ *ужан мэста* ~ *ужан инт’э* ‘место работы’ (Карпова, 2013, с. 44; Кельмаков, 2006, с. 126). В средневожжских диалектах удмуртского языка, как отмечает В. К. Кельмаков (2006, с. 127), этот суффикс выступает в велярном варианте *-ни*: *аран-ни* ‘место жатвы’; в прикильмезских, татышлинском, буйско-таньпском говорах – в синонимичном варианте *-ти*: *ужан-ти* ‘место работы’, *ветлон-ти* ‘место, где ходят’; в бесермянском – эквивалент суффикса *-н’иг*: *аран’-н’иг* ‘место жатвы’.

Рассматривая историю данного суффикса в пермских языках, Б. А. Серебренников (1963, с. 148) отмечает, что *-ни* восходит к самостоятельному слову ‘место’, ср. коми-зырянское *in* ‘место’. В то же время предполагает, что вариант *-ти* представляет собой какую-то застывшую форму переходного падежа, ср. коми-зырянское *ку-ти* ‘по какому месту’, *в’ор-ти* ‘по лесу’. На наш взгляд, последнее замечание не является достоверным.

Более подробно возникновение данного суффикса в своих работах рассматривает С. А. Максимов (1998; 2018), который приходит к выводу, что данная морфема происходит от самостоятельного слова *in* ‘место’, которое существовало еще в прапермском языке. Процесс перехода слова в морфему, по утверждению исследователя, более интенсивно протекал в праудмуртских диалектах, что было обусловлено фонетической трансформацией на стыке отглагольных слов на *-(о)н* и лексемы *ин*. По мнению С. А. Максимова (2018, с. 237-240), данный процесс приостановился, так как рассматриваемая лексема была вытеснена новообразованием со значением места **инти* (**inti*).

Данная словообразовательная модель впоследствии становится довольно продуктивной, суффикс *-ни* широко используется в создании неологизмов в современном терминотворчестве.

Между тем в современном удмуртском языке встречаются весьма интересные явления, связанные со словообразованием. Одна характерная черта – стихийность. Многие авторы современных неологизмов – далеко не филологи, они создают новые слова по собственному наитию.

Одним из основных факторов, которые оказывают влияние на появление новых слов и их быстрое внедрение в лексический состав современного удмуртского языка, является активное использование языка в интернет-пространстве удмуртскими активистами, блогерами.

Значительную роль в словотворчестве, безусловно, играют также представители СМИ, которые в силу своих профессиональных обязанностей вынуждены быстро реагировать на актуальные обстоятельства.

Таким образом, по мере необходимости удмуртскими активистами, блогерами, журналистами создаются новые выражения, словоформы, которые постепенно «перекочевывают» в посты и речь других носителей языка, прочно закрепляясь в лексической системе.

Но, к сожалению, многие современные лексические единицы создаются без учета закономерностей удмуртского языка, они «ломают» устоявшиеся веками словообразовательные модели и традиции удмуртского языка.

Так, в качестве названий и вывесок соответствующих учреждений функционируют два новообразования со значением ‘аптека’, которые не соответствуют вышеописанной традиционной словообразовательной модели: *эмъюмни (эмъюм ‘лекарство’ + -ни, т.е. ‘место лекарства’)* и *эмъюмни инты (эмъюм ‘лекарство’ + -ни, т.е. ‘место лекарства’, + инты ‘место’)*.

Эмъюмни инты – пример семантического плеоназма, который заключается в дублировании семы ‘место’: в словообразовательном суффиксе *-ни* и самостоятельной лексеме *инты* ‘место’.

Подобное явление плеоназма наблюдается и в слове *гожъясьчи* ‘писатель’, которое стало в последнее время довольно популярным. Разобрав структурно данное слово, мы обнаруживаем две морфемы со значением ‘человек, занятый в определённой сфере (деятельности)’: *-сь* и *-чи* (само слово образовано от глагола *гожъяны* ‘писать’, форма *гожъясь* используется в двух функциях: как причастие настоящего времени со значением ‘пишущий’ и как существительное со значением ‘писатель’). Нужно отметить, что суффикс *-(и)сь* является весьма продуктивным элементом отглагольных образований, прошедших путь субстантивации: *эмъяны* ‘лечить’ – *эмъясь* ‘врач’, *ужаны* ‘работать’ – *ужась* ‘рабочий’, *дышетыны* ‘учить, обучать’ – *дышетись* ‘учитель’ и др. Но ни в одном из других случаев в подобных словах не прибавляется *-чи*, который имеет обыкновение использоваться в качестве словообразовательного суффикса существительных от имен существительных: *арган* ‘гармонь’ – *арганчи* ‘гармонист’, *крэзь* ‘мелодия’ – *крэзьчи* ‘музыкант’ и др.

Интересно, что в новых словарях удмуртского языка значение ‘писатель’ фиксируется по-разному: в «Удмуртско-русском словаре» (УРС, 2008, с. 163) мы находим *гожъяськись* (*гожъясь* только в значении ‘писарь, переводчик’) и *гожъясьчи*, а в «Русско-удмуртском» (РУС, 2019, с. 62) – только *писатель*, *гожъясь*, *гожъяськись*. Между тем слово *гожъясьчи* в значении ‘писатель’ широко используется составителями учебников удмуртского языка, что дает основание полагать, что молодое поколение будет использовать данное слово.

Безусловно, как и все языки, удмуртский язык восприимчив к быстрому течению жизни, появлению и внедрению в действительность новых явлений и вещей. С трансформацией общества трансформируется и язык. Так, например, с появлением коронавируса изменилась не только жизнь социума, но изменения коснулись и лексической системы удмуртского языка: возникли новые понятия, явления, каждое из которых необходимо было как-нибудь назвать, придумать новое слово либо использовать уже имеющуюся лексему в новом значении.

Так, например, в «Удмуртско-русском словаре» (УРС, 2008) слово *асмылкыдчи* зафиксировано лишь в значении ‘доброволец’. Современные условия, коронавирусные ограничения внесли коррективы в жизнь общества, появилось активное волонтерское движение, которое получило освещение в средствах массовой информации. Вместе с этим слово *асмылкыдчи* приобрело новое значение – ‘волонтер’.

Таким же образом, с подачи представителей журналистики, вошло в употребление слово *сюбегатон* ‘ограничение’. В «Удмуртско-русском словаре» 2008 года данное слово еще не отмечено, а в «Русско-удмуртском словаре» 2019 года оно уже зафиксировано и на сегодняшний день активно используется.

Конечно, не все лексические новшества успевают фиксировать в словарях, но необходимо отметить, что новое поколение словарей (УРС, 2008; РУС, 2019) существенно отличается от предыдущих изданий именно наличием большого количества неологизмов.

Очевидно, что старшее поколение удмуртов не сможет идентифицировать значение большинства вошедших в новые издания словарей слов, таких как, например, *чёлсконпус* ‘ссылка’, *вотэсбам* ‘сайт’, *мерлыко* *вотэс* ‘социальная сеть’ и др., тогда как представители молодого поколения не представляют свою жизнь без современных компьютерных технологий и, соответственно, активно используют и вышеназванную терминологию. К сожалению, данный факт приводит к мифу о том, что удмуртский язык становится непонятным.

Заключение

Таким образом, в результате анализа практического материала мы пришли к выводу, что формант *-ни* в удмуртском языке следует рассматривать как словообразовательный суффикс, а не суффиксоид, как предлагают современные исследователи.

Также нами выявлено, что в современном удмуртском языке наметилась тенденция к одновременному использованию двух словообразовательных суффиксов, имеющих синонимичное значение, но отличающихся функционально, что является отклонением от традиционных словообразовательных моделей.

Появились новые словообразовательные модели, которые «ломают» традиции удмуртского словообразования: а) существительное, выражающее объект + словообразовательный суффикс *-ни* со значением ‘место’. В данной модели ушло значение ‘место выполнения какого-то действия’ и в качестве производного слова уже выступает не отглагольное существительное, а любое существительное со значением объекта; б) причастная форма на *-(и)сь* + *чи*. Вероятно, и эти модели в перспективе могут стать продуктивными.

В качестве основных тенденций в современном удмуртском словотворчестве следует отметить стихийность появления новых слов, создание неологизмов и их внедрение в лексическую систему удмуртского языка удмуртскими активистами, блогерами, журналистами, часто не являющимися специалистами в области удмуртского языка, не владеющими нормами словообразования.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в комплексном изучении словообразовательных аффиксов удмуртского языка с учетом их этимологии, в рассмотрении тенденций развития лексической системы удмуртского языка.

Источники | References

1. Арискина Т. П. Словообразование имен в финно-угорских языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 11.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 6-е. М.: URSS, 2012.
3. Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013.
4. Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: уч. пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртский университет, 2006.
5. Максимов С. А. К вопросу о суффиксе -н'и в удмуртском языке // История и культура финно-угорских народов: мат. Междунар. студ. науч.-практ. конф. (г. Глазов, 11-13 ноября 1996 г.): в 2-х ч. Глазов, 1998. Ч. 2.
6. Максимов С. А. Северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология. Ижевск: Шелест, 2018.
7. Русско-удмуртский словарь (РУС): в 2-х т. Ижевск, 2019. Т. 2.
8. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
9. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008.
10. Титова О. В. О способах образования новых терминов в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. № 1.
11. Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез) = Морфология удмуртского языка (УКК). Ижевск, 2011.
12. Удмурт-зуч кыллюкам = Удмуртско-русский словарь (УРС). Ижевск, 2008.
13. Koivisto V. Suomen sanojen rakenne. Helsinki: Nakaraino Oy, 2013.

Информация об авторах | Author information

Стрелкова Ольга Борисовна¹, к. филол. н., доц.

¹ Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Strelkova Olga Borisovna¹, PhD

¹ Udmurt State University, Izhevsk

¹ olstr@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.05.2022; опубликовано (published): 29.07.2022.

Ключевые слова (keywords): удмуртский язык; словообразование; словообразовательный суффикс; Udmurt language; word formation; word-formation suffix.